

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994

УДК 821.161.1.09“18”+930.23+930.253

Е. Л. Смирнова

*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

esmirnova@petrsu.ru

Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот»*

Аннотация. Статья посвящена выяснению роли имен римских императоров в каллиграфических записях Достоевского конца 1860-х гг. (Российский государственный архив литературы и искусства, фонды 212.1.6, 212.1.7). Одной из причин обращения Ф. М. Достоевского к образам и сюжетам римской истории стала типичная для образованных слоев середины XIX в. мысль о том, что история Рима являет образцы добродетелей и примеры пороков и злодеяний и поэтому представляет высокую степень важности для каждого, кто неравнодушен к судьбам человечества. Поскольку в творческие размышления писателя включены, главным образом, Гай Юлий Цезарь и властители первых двух веков (и первых трех династий) эпохи Империи, то интерес писателя к римским цезарям необходимо соотносить с его оценкой истории Рима I–II вв. как времени столкновения императорского культа и веры в Иисуса Христа. Вместе с тем объектом внимания Достоевского стали также Аттила и Ромул Августул, имена которых связаны с завершающими страницами истории Западной Римской империи. Источниками ассоциаций и мотивов, связанных с римскими цезарями, были для Достоевского не только тексты античных и христианских авторов, но и образы императорского Рима в современной литературе и публицистике. Важнейшие нюансы смысла рождались из сопоставления древнеримской истории с новой историей Западной Европы и России. Знаменательна эволюция темы каллиграфических записей в романе «Идиот»: если в первоначальных набросках к роману акцент был на деспотизме и чудовищности римских властителей, то в записях к окончательной редакции — на отражении истории императорского Рима и его судьбы в Апокалипсисе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, текстология, каллиграфия, прототипы, античность, Древний Рим, Римская империя, римские цезари, «Идиот», Апокалипсис, Т. Н. Грановский

Об авторе: Смирнова Екатерина Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 02.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Смирнова Е. Л. Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот» // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 4. — С. 177–207. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994

В записных тетрадах Ф. М. Достоевского заметное место принадлежит идеографическим записям, включая и каллиграфию, в которых нашли отражение процессы рождения сюжетов и образов, внутренний диалог писателя с самим собой и различные его приемы творчества [Баршт: 4, 6]. В рабочих тетрадах писателя «текст, рисунки, каллиграфия зачастую образуют

сложное иррациональное единство, в котором автор дает ассоциативное решение творческой задачи» [Захаров, 2018: 93]. Каллиграфия Достоевского, как особый раздел его идеографии, связана «с эстетическим переживанием писателем самого процесса письма, письменной графики как внешнего выражения сокровенного, глубинного смысла слова. Знаки “каллиграфического” языка актуализируют семантический потенциал имени в максимуме его внутренней и внешней связности, формируя своего рода “сгущения мысли”» [Баршт, Малафеевская: 26].

Одной из интереснейших особенностей и до сих пор не разгаданной загадкой рабочих тетрадей Достоевского 1867–1871 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.6, Ф.212.1.7) являются неоднократно встречающиеся на их страницах каллиграфически выведенные имена римских императоров. Они расположены на страницах подготовительных материалов к роману «Идиот» (Ф. 212.1.6. С. 124, 126–128, 130; Ф. 212.1.7. С. 93, 96, 97, 99, 102, 103, 104, 106, 110), черновых записей к рассказу «Вечный муж» (Ф. 212.1.6. С. 63) и вторгаются в черновые записи к плану повести о капитане Картузове (Ф. 212.1.6. С. 107). Начертанные, как правило, в одном направлении с основным текстом, но иногда в обратном или противоположном, чаще всего эти записи являются маргиналиями, своеобразными авторскими пометами на полях, но порою они занимают — и это в особенности любопытно — несколько страниц целиком и подряд (Ф. 212.1.6. С. 106, 108–109; Ф. 212.1.7. С. 105).

Какие властители Рима привлекли внимание Достоевского и почему они стали «существенными для его творчества и биографии событиями или идейными комплексами»? Что скрывается за выбором одних и умалчиванием других императоров Рима, за объединением имен в группы и столбцы в разных сочетаниях? Какие ассоциации рождались в процессе неспешного прописывания имен правителей Римской империи? Какую роль играли римские цезари в творческой лаборатории писателя в конце 1860-х гг.?

Изучение встречающихся в рабочих тетрадях имен римских цезарей показало, что далеко не все правители Рима привлекли внимание Достоевского. Во-первых, в обеих записных тетрадях мы обнаруживаем каллиграфические прописи имени Гая Юлия Цезаря — знаменитого римского диктатора 48–44 гг. до н. э., последнего из диктаторов эпохи Республики и первого, кто превратил почетный, но временный титул императора (победоносного полководца) в постоянную часть своего личного имени. Во-вторых, в каллиграфических записях фигурируют все императоры династии Юлиев-Клавдиев, начиная с ее основателя: Август (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), Тиберий (14–37 гг.), Калигула (37–41 гг.), Клавдий (41–54 гг.) и Нерон (54–68 гг.). В-третьих, в каллиграфиях встречаются правители сложного для Рима «года четырех императоров» (68–69 гг.) — Гальба, Отон, Вителлий. Наконец, в записную тетрадь попали два из трех императоров династии Флавиев — Веспасиан (69–79 гг.) и Тит (79–81 гг.) и двое из шести императоров династии Антонинов — Адриан (117–138 гг.) и Марк Аврелий (161–180 гг.). Из правителей Рима

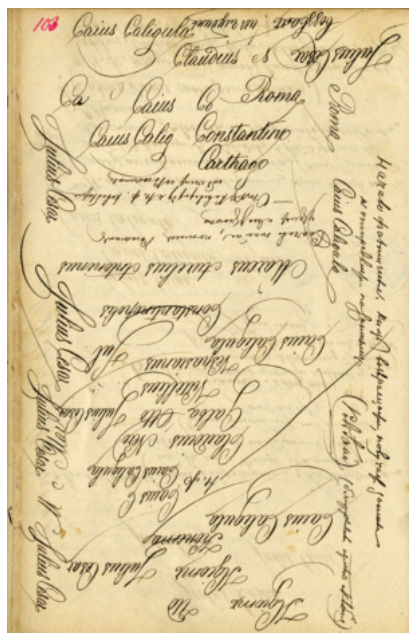
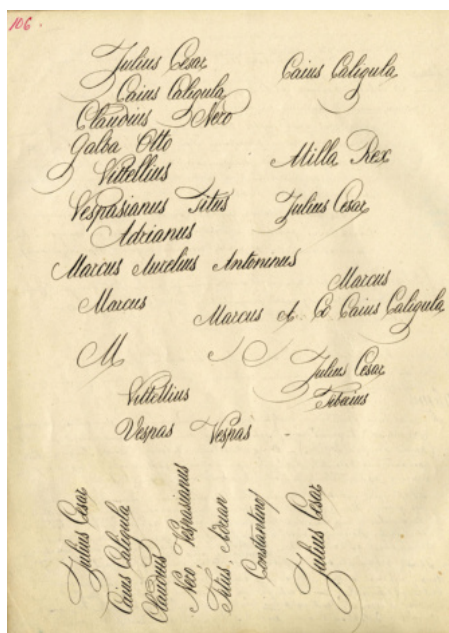
более позднего времени упоминается лишь Ромул Августул (475–476 гг.), последний император Западной Римской империи. Таким образом, в круг творческих размышлений писателя оказались включены, если не считать Ромула Августула, только Гай Юлий Цезарь и властители первых двух веков (и первых трех династий) эпохи Империи. Важно отметить, впрочем, что из династии Флавиев не упоминается Домициан, а из династии Антонинов — Нерва, Траян, Антонин Пий и Коммод.

Имя Гая Юлия Цезаря прописано в подготовительных материалах к роману «Идиот» в общей сложности 112 раз, причем в разнообразных вариантах (*Julius Cesar Imperator, Julius Cesar, Julius Ces, Julius, Jul, Jules Cesar, Jules*), которые можно охарактеризовать как смесь латинского и французского написаний (на латыни было бы *Julius Caesar*, по-французски — *Jules César*). 29 раз встречается имя Калигулы (варианты: *Caius Caligula, Caius Calig, Caligula, Caius C*), 9 раз — Клавдия (*Claudius*), 8 — Тиберия (*Tiberius*) и Марка Аврелия (*Marcus Aurelius Antoninus, Marcus Aurelius, Marcus A., Marcus*), 6 — Нерона (*Nero*) и Веспасиана (*Vespasianus, Vespas*), 5 — Гальбы (*Galba*). Остальные имена встречаются реже: четыре раза выведено имя Вителлия (*Vittellius, Vittelius*), трижды — Отона (*Otto*) и Августа (*Augustus*), по два раза — Тита (*Titus*), Адриана (*Adrianus, Adrian*) и Ромула Августула (*Romulus Augustulus*).

Наибольшее разнообразие имен властителей Рима, а именно тринадцать, приходится на с. 106–109 рабочей тетради 1867–1871 гг. (Ф. 212.1.6). Страницы 106, 108 и 109 заполнены исключительно каллиграфическими записями, на странице 107 каллиграфии занимают две трети листа, а внизу под чертой расположен текст (6 строк), представляющий собой продолжение записей, начатых на странице 105 (см. Илл. 1).

впечатление, что писатель посвятил каллиграфическим прописям имен римских императоров два тетрадных разворота, окруженных чистыми страницами, наугад раскрыв тетрадь для решения какой-то творческой задачи. Этот вывод не выглядит неправдоподобным, поскольку, как уже отмечалось исследователями творчества Достоевского, писатель не всегда заполнял свои рабочие тетради последовательно, страница за страницей. Он мог писать «то в начале тетради, то в середине ее, опять возвращался к началу, делал отдельные записи в конце <...>. Мало того, он перевертывал тетрадь, делая последние листы первыми, и продолжал в таком порядке заполнять тетрадь, частично уже исписанную в первоначальном направлении» [Нечаева, 1957: 13]. «Зачастую, торопясь зафиксировать то или иное творческое решение, Достоевский раскрывал свои рабочие тетради совершенно произвольно и делал очередной набросок вне всякой связи с предыдущими. Общую картину усугубляет то обстоятельство, что писатель сравнительно редко датировал записи в своих записных книжках и тетрадях» [Тихомиров, 2008а: 385].

Каким временем следует датировать каллиграфии имен римских цезарей на с. 106–109? Б. Н. Тихомиров указывает: «Подготовительные материалы к ранней редакции “Идиота” занимают с. 1–43 и 114–141 (с пропусками), отдельные записи сделаны на с. 49, 57 и 111. Таким образом, после прекращения 30 октября (11 ноября) 1867 г. работы в этой тетради (по-видимому, в связи с намерением писателя перейти к созданию связного текста) вся ее центральная часть (с. 44–110) оставалась свободной. Где-то через год, в августе — сентябре 1868 г., на с. 89–90 Достоевский набрасывает черновик письма к издателю одного из швейцарских журналов. Вновь писатель возвращается к этой тетради лишь в 1869 г., когда по завершении публикации романа “Идиот” он приступает к разработке новых замыслов для журналов “Заря” и “Русский вестник”» [Тихомиров, 2008b: 300–301]. Из этого наблюдения получается, что каллиграфические прописи на страницах 106–109 следует датировать 1869 годом. Однако, на наш взгляд, нельзя исключать и другую датировку указанных страниц, относящую их ко времени работы Достоевского над «Идиотом». Дело в том, что каллиграфии имен римских императоров на с. 106–109 в рассматриваемой нами тетради перекликаются с каллиграфиями с. 105, 103, 102, 99 в записной тетради 1868–1869 гг. (Ф. 212.1.7), в которых тоже фигурируют имена римских императоров от Цезаря до Веспасиана и Марка Аврелия Антонина (см. *Илл. 2–3*); при этом записи содержат подготовительные материалы к роману «Идиот» и датируются первой половиной апреля 1868 г., если судить по имеющимся в тетради датам: «16 Апр<бля>» (с. 91), «10 Апрелья» (с. 92, 101, 104), «9 Апрелья» (с. 115)³.

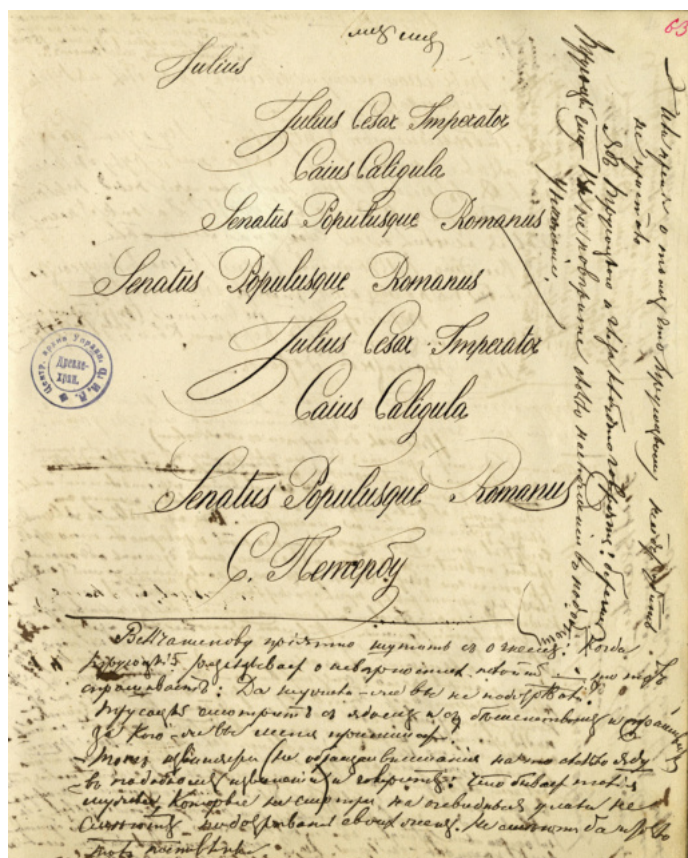

Илл. 2–3. Каллиграфические записи имен римских императоров
(РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 106 и Ф. 212.1.7. С. 103)

Fig. 2–3. Calligraphic inscription of the names of Roman emperors (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 106 and F. 212.1.7. P. 103)

Таким образом, можно прийти к заключению, что каллиграфические записи имен римских цезарей появились в рабочей тетради 1867–1871 гг. в два этапа: на с. 124, 126–128, 130 — в 1867 г., в период работы писателя над ранним замыслом «Идиота», а на с. 106–109 — во время работы над второй–четвертой частями романа в 1868 г. В первом случае мы обнаруживаем всего четыре имени из истории Рима: Цезарь, Калигула, Нерон, Марк Аврелий, — и в основном каллиграфические записи являются маргиналиями. Во втором случае в каллиграфиях фигурируют имена тринадцати римских императоров, и, как было сказано выше, изначально каллиграфии занимали страницы целиком, два разворота подряд. Особо следует подчеркнуть, что на с. 106, 108 и 109 Достоевский словно бы объединяет имена римских властителей в группы, записывая их столбцами, количество имен в которых варьируется от двух до одиннадцати.

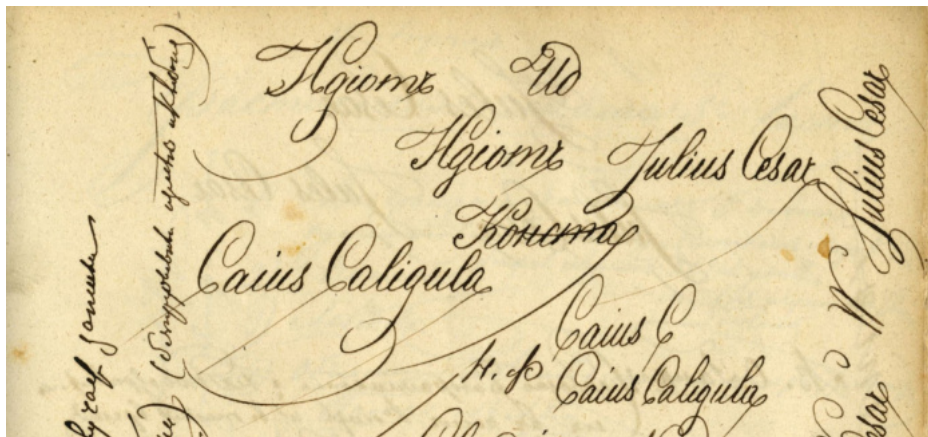
Несколько особняком стоят каллиграфические прописи имен Цезаря и Калигулы на с. 63 (Илл. 4).

Илл. 4. Каллиграфические записи имен римских императоров
(РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 63)

Fig. 4. Calligraphic inscription of the names of Roman emperors
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 63)

Они расположены среди черновых записей к рассказу «Вечный муж», предположительно датируемых не ранее августа 1869 г. [Тихомиров, 2008с: 326]. Однако по способу написания и расположению на странице прописи с. 63 очень похожи на каллиграфические записи с. 106–109 и, как представляется, вполне могли быть написаны в одно время с ними, то есть в период работы Достоевского над второй–четвертой частями «Идиота» (а наброски к «Вечному мужу» были добавлены позже). Дополнительным аргументом в пользу этой версии служит наличие каллиграфических записей имен Цезаря и Калигулы на с. 99, 102, 103, 105 подготовительных материалов к роману «Идиот» в рабочей тетради 1868–1869 гг. При этом на с. 103 рядом с «Julius Cesar» и «Caius Caligula» дважды выведено «Идиотъ» (см. Илл. 5).

Илл. 5. Каллиграфические записи имен Цезаря и Калигулы
(РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 103)

Fig. 5. Calligraphic inscription of the names of Caesar and Caligula
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.7. P. 103)

Важным моментом в осмыслении значения имени каждого римского императора в творческой лаборатории Достоевского является представление о том, что писатель, по всей видимости, был глубоко знаком с античной традицией об истории Рима I — начала II вв. Так, на каторге в одном из писем к брату 1854 г. Достоевский просил прислать «европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита (так у Достоевского. — Е. С.), Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски)»⁴. В послекаторжный период интерес Достоевского к римской истории не угас: в его библиотеке зафиксированы сочинения Тацита в переводах на русский и французский языки, письма Плиния Младшего, записки Гая Юлия Цезаря [Библиотека: 44, 99, 191, 245]⁵. Во время издания журнала «Время» писатель, безусловно, познакомился с лекциями Т. Н. Грановского по римской истории от Цезаря до Нерона⁶, знал сочинения П. Н. Кудрявцева⁷ и В. И. Модестова⁸, посвященные истории раннеимператорского Рима.

На первый взгляд, объяснение причин появления имен римских императоров в каллиграфиях Достоевского не должно представлять большой сложности, поскольку направление поиска указано в исследованиях достаточно надежно: писатель «подолгу прописывал имена разных исторических деятелей, вдумываясь в основное бытийное назначение их жизненного пути <...>, ища нужный коннотирующий смысл» [Баршт, 2018: 6–7], создавая мир ассоциаций, служащих «основой для построений художественных образов» [Баршт, 1986: 309]. Более того, представляется вполне

естественным, что за поиском коннотаций Достоевский обратился именно к истории Римской империи: в гимназических учебниках по всеобщей истории, в публицистике и научных работах середины XIX века общим местом была мысль о том, что история Рима являет «прекрасные образцы всех добродетелей и опаснейшие примеры пороков и злодеяний»⁹, представляет «высокую степень занимательности и важности для каждого, кто неравнодушен к судьбам человечества»¹⁰, а также обнаруживает присутствие всемирного недуга, болезни и медленного разрушения, но эти времена, «мрачные развращением римлян и идолопоклонством народов, озарились светом Евангелия»¹¹, «христианство приносит исцеление»¹².

Вместе с тем анализ подбора и конфигураций имен римских цезарей в подготовительных материалах к роману «Идиот» приводит к заключению, что фокус писательского интереса к примерам из римской истории был не одинаковым в 1867 и 1868 гг. и не исключено, что это каким-то образом связано с перипетиями творческой истории романа «Идиот». Как известно, работа над «Идиотом» проходила непросто, неоднократно прерывалась, сложными были поиски образа главного героя. Сам писатель в письме к А. Н. Майкову 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.) жаловался: «А со мной было вот что: *работал и мучился*. <...> всё лето и всю осень я компоновал разные мысли (бывали иные презатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь, или трудность, или маловыжитость иной идеи» (ДЗ0; 28; 239). В итоге Достоевский «задумал один — написал другой роман» [Захаров, 2013: 272].

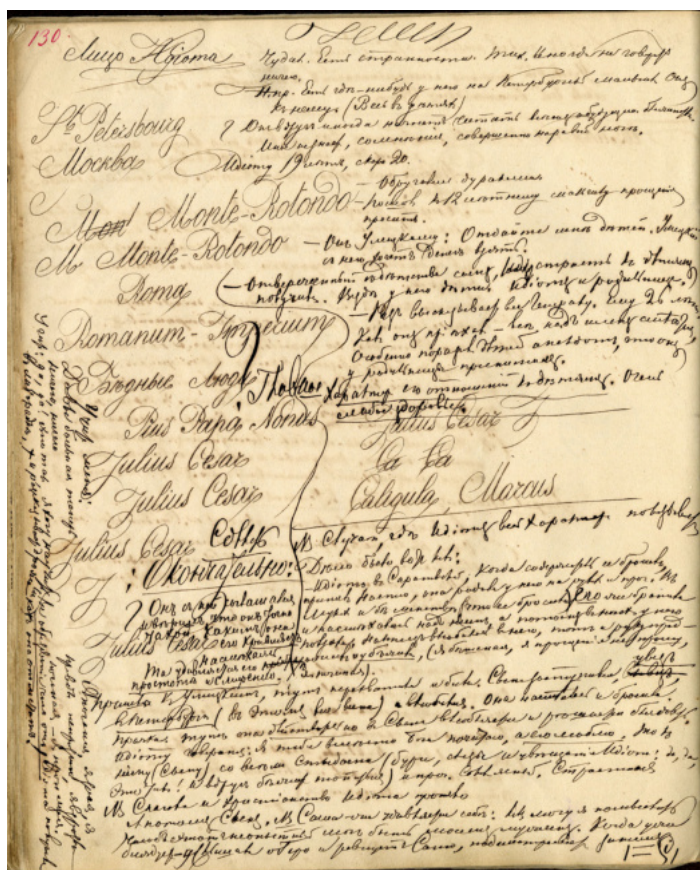
В подготовительных материалах первоначального замысла романа «Идиот» главные черты героя, его «главный характер», определены такими записями:

«Самовладѣніе отъ гордости, (а не отъ нравственности) и бышнее саморазрѣшеніе всего. <...> ...онъ бы могъ дойти до чудовищности; но любовь спасаетъ его. <...> Взамѣнъ получаетъ высокое нравственное чувство въ развитіи и дѣлаетъ подвигъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 41).

Идея главного героя следующая: «...буду всѣхъ держать подъ ногами въ цѣпяхъ. Или **властвовать тирански** или **умереть за всѣхъ на крестѣ** — вотъ что только и можно по моему, по моей натурѣ...» (выделено мной. — Е. С.) (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 25). Эта идея удивительным образом перекликается с содержанием истории Римской империи в I веке, ярчайшими чертами которой явились, во-первых, усиление единоличного характера императорской власти, а во-вторых, становление ранних христианских общин, что Достоевский десятилетием позже, в «Дневнике Писателя» за 1880 г. охарактеризует следующим образом: «Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил Богочеловека...» (ДЗ0; 26: 169). Знаменательно, что трое из четырех римских цезарей подготовительных материалов к раннему

замыслу «Идиота» имеют самое прямое отношение к «тиранству»: Цезарь поплатился жизнью за неумное властолюбие и стремление к царской власти, Калигула и Нерон и вовсе стали символами деспотизма и жестокости. С историей гонений на христиан в Римской империи и подвигов христианских мучеников, подражавших Христу, теснейшим образом связаны имена Нерона и Марка Аврелия.

Наибольшее число каллиграфических записей в подготовительных материалах к первоначальному замыслу романа «Идиот» связано с Гаем Юлием Цезарем: по 5 раз его имя начертано на с. 124 и 130 (см. Илл. 6), 6 раз — на с. 127 и 8 раз — на с. 128. Удивления этот факт не вызывает, учитывая и масштаб личности Цезаря, и его место в написанных до «Идиота» сочинениях Достоевского.

Илл. 6. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 130)

Fig. 6. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 130)

На раннем этапе творчества, как видно из романа «Неточка Незванова», Цезарь был для Достоевского прежде всего воплощением славы, которая, впрочем, не была внезапной: писатель не допускает, «будто Цезарем можно сделаться так, вдруг, за один миг» (Д30; 2: 504). Скорее всего, основа такого восприятия Цезаря сложилась еще в юные годы Достоевского: в учебнике И. К. Кайданова, по которому учился писатель, читаем: «Юлий Кесарь, знаменитый породой и дарованиями, искуснейший полководец, непобедимый герой и остроумный писатель, выступил в это время на поприще славы»¹³. В «Селе Степанчикове...» в образ Цезаря добавлены новые краски: Фома Фомич заявляет, что Цезарь вовсе не велик, поскольку, подобно Александру Македонскому, хотя и завоевал весь мир, но никого не осчастливил. И хотя преподносится эта мысль в комическом ключе: «...розог бы дать ему (Александру Македонскому. — Е. С.), а не прославлять во всемирной истории... да уж вместе и Цезарю» (Д30; 3: 159), тем не менее автор словно приглашал внимательного читателя к раздумьям об истинном величии личности в истории и современности.

Как известно, новый повод для размышлений над этой темой дала публикация в 1865 г. книги Наполеона III «История Юлия Цезаря»¹⁴. Она стала всевропейской сенсацией и вызвала бурную полемику по вопросу, считать ли Цезаря великим преступником или человеком, предназначенным Провидением свершить за несколько лет труд нескольких веков [Тихомиров, 2005: 234–235, 249–250], а в романе «Преступление и наказание» Достоевского явилась одной из основ для разработки теории Раскольникова о праве сильной личности «перешагнуть через кровь»¹⁵.

Осмелимся предположить, что осмысление личности Цезаря, сформировавшееся у Достоевского ко времени работы над «Преступлением и Наказанием», не могло не повлиять на его дальнейшие размышления, что и нашло отражение в виде каллиграфических записей в подготовительных материалах к «Идиоту». Дополнительный материал для раздумий относительно Цезаря Достоевскому могло предоставить знакомство с лекцией Т. Н. Грановского, опубликованной в журнале «Время» в 1862 году. Грановский подчеркивает: «...ни о ком, может быть, не раздавалось столько противоположных между собою суждений, как о Цезаре» — и далее поясняет, что одни считали его человеком, оказавшим великие заслуги римскому миру, а другие — нарушителем права, «пожертвовавшим личному самолюбию всем, что дорого для человека и гражданина»¹⁶. Грановский обратил внимание как на парадоксы в личности Цезаря, в котором уживались изнеженность и смелость, любовь к забавам и великолепная образованность, решительность и осторожность, — так и на неоднозначность его роли в истории: будучи любимцем народа и вождем народной партии, Цезарь стал человеком, при котором римская республика перестала существовать; покорив Галлию кровопролитием, он нашел затем в Галлии и других провинциях преданность и сочувствие, поскольку, как отмечает историк, «сумел соединить свои потребности с общими потребностями эпохи», стал «во

главе всех утесненных против всех утеснителей», думая «не об одних минутных интересах, но обо всем, что дорого для человека: о личной свободе, о неприкосновенности прав и собственности»¹⁷. Этот момент изменения Цезаря в лучшую сторону, своеобразного его перерождения мог быть интересен для Достоевского в период начала разработки «главного характера Идиота», который, по задумке автора, *«получаетъ высокое нравственное чувство въ развитіи и дѣлаетъ подвигъ»*, хотя *«онъ бы могъ дойти до чудовищности»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 41).

Олицетворением чудовищности в римской истории во времена Достоевского считался император Калигула. Вот как характеризует его И. К. Кайданов: «...чудовище во всех отношениях, жестокость, развращение и глупость составляли характер его»¹⁸. И вот что любопытно: каллиграфия с именем Калигулы (*Caligula*) встречается, во-первых, на одной странице с именем Цезаря (*Julius Cesar Julius Cesar Julius Cesar J Julius Cesar Julius Cesar J*) и записями *«Roma Romanum-Imperium»* [«Рим, Римская империя»] (Ф. 212.1.6. С. 130), а во-вторых, на одной странице с именем Цезаря и каллиграфией *«Senatus Populusque Romanus»* [«сенат и народ римский»] (Ф. 212.1.6. С. 63). Здесь явно прослеживается противопоставление: если фраза «сенат и народ римский» воспринималась как формула римского государственного устройства эпохи расцвета Республики, когда волеизъявление народа сочеталось с опытом и знаниями сенаторов, обеспечивая государству стабильность и процветание, а с точки зрения Цицерона — и вечность (*De rep.*, I, 69), то имя Цезаря ассоциировалось с сокрушением Республики вследствие необузданного честолюбия и неумеренного властолюбия (*Suet. Div. Jul.*, 76–79). Правление Калигулы можно в каком-то смысле трактовать как новый уровень противопоставления правителя обществу: если Цезарь по крайней мере у части населения римской державы вызывал одобрение, несмотря на стремление к единоличной власти (*Suet. Div. Jul.*, 84), то жестокость, алчность и безумные дикие выходки Калигулы составили основу для памяти о нем как о сумасшедшем и чудовище во всех отношениях, о властителе, который был по заслугам убит в результате заговора, а в римском сенате затем в течение нескольких дней обсуждалась идея отказа от поиска преемника императорской власти и возврата к республиканскому строю (*Suet. Cal.*, 60).

Заметим при этом, что в повествовании Грановского о Калигуле акцент делается на «психологической загадке» характера этого римского императора, и историк пытается объяснить отклонения в поведении Калигулы его страхом потерять власть, подозрительностью, начатками помешательства, дурным воспитанием и отвратительными примерами при дворе его предшественника Тиберия¹⁹. У Достоевского в черновых записях к раннему замыслу «Идиота» имеются такие слова о главном герое: *«Самъ, впрочемъ, былъ воспитанъ безобразно и у тирановъ»* (Ф. 212.1.6. С. 9); *«Надо было съ дѣтства болѣе красоты, болѣе прекрасныхъ ощущеній, болѣе окружающей любви, болѣе воспитанія. А теперь: жажда красоты и идеала и въ то же время невѣріе въ него, или вѣра, но нѣтъ любви къ нему»* (Ф. 212.1.5. С. 134). Про другого

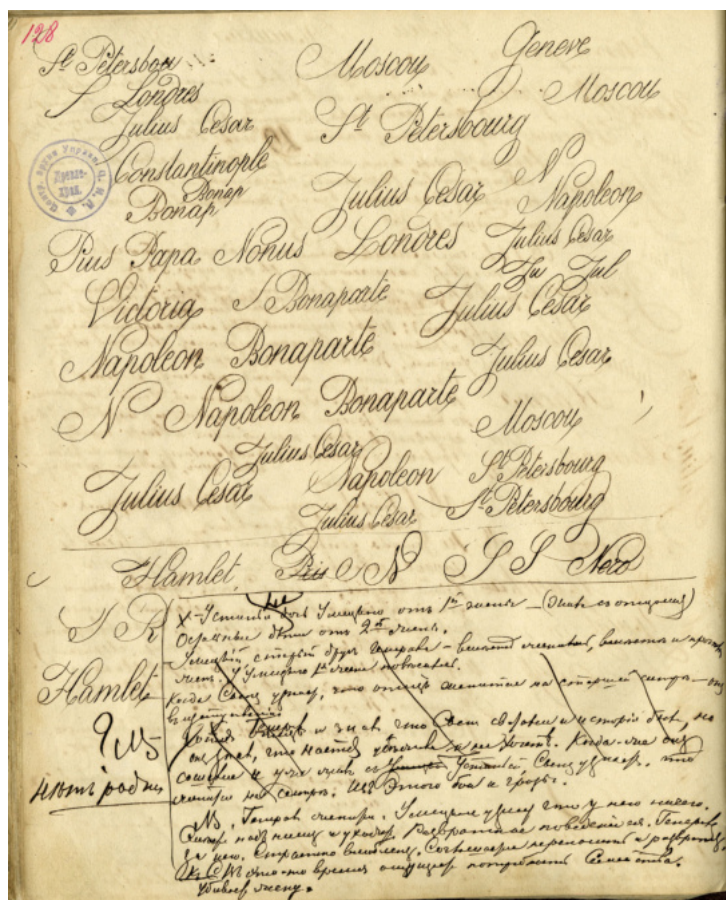
героя, Дядю — «лицо капитальное всего романа», писатель также помечает: «Въ дѣтствѣ гадко воспитанъ и развитъ» (Ф. 212.1.5. С. 32).

Дополнительным основанием для сопоставления Цезаря и Калигулы могли стать еще два обстоятельства. Подчеркнем их особо, поскольку «антитеза и антитетичность в творчестве Достоевского являются одним из основных принципов поэтики», характерология Достоевского построена «на противопоставлении и совмещении полярных качеств» [Пращерук: 138–139]. С одной стороны, Калигула был похож на Цезаря в том, что получил великолепное образование, обладал ораторским дарованием и в начале правления ненадолго своим великодушием и щедростью заслужил любовь простого народа. Как и Цезарь, Калигула страдал падучей болезнью, но в детстве (Suet. Cal., 50.2 ср. Suet. Div. Jul., 45.1). С другой стороны, Калигула отличался от Цезаря полным отсутствием учета интересов подданных и удивительным упоением от кровопролития, в то время как Цезарь не только провозгласил, но и претворил в жизнь лозунг милосердия по отношению к своим врагам и провел целый ряд мероприятий по превращению Римской державы в единую империю. Важнейшее же отличие заключалось в том, что Цезарь был обожествлен только после смерти, в то время как Калигула уже при жизни потребовал именовать себя «господином и богом», потребовал божеского поклонения и под конец «посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы» (Suet. Cal., 22.3). Любопытны в связи с этим некоторые заметки Достоевского о характере главного героя в подготовительных материалах к первоначальному замыслу романа, озаглавленные как «главная мысль и основная мысль романа, для которой всё»: «он до такой степени болезненно горд, что не может не считать себя богом...» (Ф. 212.1. 6. С. 24).

Таким образом, два героя римской истории, Цезарь и Калигула, с одной стороны, являют пример того, какую роль в истории государства может сыграть правитель, учитывающий интересы общества или, напротив, думающий только о себе и «властвующий тирански», а с другой — словно бы представляют две стадии, два этапа в развитии того недуга в Римской империи, который трактовался в литературе середины XIX века как болезнь и медленное разрушение вследствие существования без света Христова. И если Цезарь жил еще до прихода Спасителя, принесшего возможность обновления, но сумел перейти от кровопролития к милосердию и стал, как это выразил Грановский, «для язычников осуществителем нового порядка», а затем «родился другой обновитель мира»²⁰, то Калигула стал императором уже после крестной смерти Иисуса, однако явил собою пример, если использовать слова Д. С. Мережковского, «колоссального лица антихристианского» [Мережковский: 336]. В связи с этим особенно симптоматично, что в рассматриваемой нами тетради Достоевского на с. 124 наряду с именем Цезаря дважды каллиграфически выведено «Христось» (Ф. 212.1.6. С. 124) (см. Илл. 7).

величайшая сила», где внизу страницы пометка: «Почему въ строеніи міра необходимы приговоренные къ смерти», а чуть выше на странице — поразительная в своей контрастности фраза: «Поболтайте-ка мнѣ что-нибудь о Христѣ<, > Князь» (Ф. 212.1.7. С. 18).

С историей раннего христианства, причем с трагичными ее страницами, связаны имена еще двух императоров, ставших героями каллиграфических записей Достоевского в период его работы над ранней редакцией «Идиота» — это Нерон (Nero, см. Илл. 8) и Марк Аврелий (Marcus Aurelius, Marcus (см. Илл. 7)).

Илл. 8. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 128)

Fig. 8. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 128)

Согласно свидетельствам античных авторов, и прежде всего Тацита (Тас. Ann., XV, 44), в правление Нерона произошло первое крупное гонение на христиан, когда император возложил на последователей Христа вину за катастрофический пожар в Риме летом 64 г. и подверг их изощреннейшим казням. Зловещая роль Нерона как первого гонителя христиан была хорошо известна Достоевскому, о чем свидетельствуют строки в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе»: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона <...> и проч., и проч.» (ДЗ0; 19: 70).

Фигура Нерона примечательна также потому, что он оставил по себе память одного из худших императоров Римской империи — жестокого и кровожадного, не остановившегося даже перед убийством матери и жены (Тас. Ann., XV, 67.3), неистового и развратного, стремившегося «истребить саму добродетель» (Тас. Ann., XVI, 21.1). Осведомленность Достоевского об этих аспектах личности Нерона нашла отражение уже в статье 1861 г. «Ответ Русскому Вестнику», где писатель упоминает об «известном чудовищном браке Нерона, записанном в истории» (ДЗ0; 19: 137), имея в виду либо свадьбу Нерона с евнухом Спором, рассказ о которой есть у Светония (Suet. Nero, 28.1–2)²¹, либо повествование о браке Нерона с вольноотпущенником Пифагором в «Анналах» Тацита (Тас. Ann., XV, 37. 8–9), которое, что любопытно, непосредственно предшествует главам, посвященным пожару в Риме 64 г. (Тас. Ann., XV, 38–44).

Известность упомянутым деяниям Нерона обеспечили не только рассказы античных авторов, но и работы российских историков — П. Н. Кудрявцева и его друга и учителя Т. Н. Грановского. Кудрявцев именует Нерона гением разврата и указывает: «...природа Нерона была самого капризного свойства. Неудовлетворенная прихоть всегда оставляла в нем болезненное раздражение. <...> Его снедала жажда новых, неиспытанных удовольствий; ему хотелось извлечь из жизни еще небывалое наслаждение. Мало было обыкновенных пиров... требовалась оргия в самом широком смысле слова»²². Грановский, рассказывая о правлении Нерона, делает ремарку, что даже друзья Нерона, те, кто привык к наслаждениям и весельям, порою расставались с жизнью по своей воле, от скуки. Историк предлагает читателям такое объяснение: «Жизнь в Риме не была здоровой: она была одержима болезнью, отсутствием верований и убеждений, начал, без которых человек слаб. У римлян не было ни Бога, ни отечества, и потому они мало дорожили жизнью. Образования было много, но оно не шло в пользу и только усиливало восприимчивость»²³.

Целый ряд черновых записей начального замысла «Идиота» показывает, что эмоционально-насыщенный образ неистового Нерона несомненно стал одним из источников поиска характерных черт портрета главного героя: «Отъ тоски зажигаеъ домъ и безчеститъ Умецкую» (Ф. 212.1.5. С. 134); «потомъ выходка и поступокъ, потомъ сжeный палецъ Геро, потомъ волненiе,

потомъ сожженный домъ и растлѣніе Умецкой. — Потомъ вдругъ полная апатія: для чего, зачѣмъ?» (Ф. 212.1.6. С. 24); «Эпизодъ пожара, пальца и растлѣнія — все вдругъ и какъ-бы нечаянно. И въ романѣ, чтобъ показать на что способенъ Идіотъ» (Ф. 212.1.6. С. 9); «Главное. Встѣхъ покорить под себя — сначала брата и Дядю (жену деспотируетъ и Умецкую), потомъ Генераловъ, потомъ Геро» (Ф. 212.1.6. С. 21)²⁴.

Стоит отметить, что в подготовительных материалах первоначального замысла «Идиота» деспотизм намечен также в образе генерала и его жены: «Генераль. Характеръ строгій, деспотическій, мрачный, страстный. Изъ-подъ суда. Все потерялъ по своей винѣ {и самодурству, которое, чѣмъ хуже обстоятельства — тѣмъ болѣе усиливается, а не уменьшается.} <...> Хочетъ держать семью въ прежнемъ деспотизмѣ и порабощеніи» (Ф. 212.1.6. С. 7) «Деспотъ, парадоксаленъ, несправедливъ, стоекъ, рыцарски честенъ, мраченъ и порывистъ. {Ни съ чѣмъ въ себя не умѣетъ справиться, чувствуетъ это и во всемъ черезъ край. Отъ этого страдаетъ всю жизнь.}>» (Ф. 212.1.6. С. 9). «Генеральша. Характеръ такой-же деспотическій, но подчинившійся подъ нѣмыми условіями» (Ф. 212.1.6. С. 7).

В каллиграфических записях первоначального замысла романа «Идиот» трижды упоминается имя императора Марка Аврелия: *Marcus Aurelius, Marcus* (Ф. 212.1.6. С. 124, 130). В античной традиции подчеркивается, что он «праведностью своей жизни превзошел всех государей», «всецело отдавался философским занятиям», «делал дурных людей хорошими, а хороших превосходными», «правил, окруженный всеобщей любовью» (SHA. M. Aur., 1.1, 8.3, 12.2, 18.1). Античные авторы-язычники упрекали Марка Аврелия только в одном: он был слишком снисходителен к низостям родных и приближенных (SHA. M. Aur., 16.1, 23.7, 29). Однако христианские писатели, хотя и стремились показать, что только «плохие» цезари преследовали церковь (Tert. Ad nat. I.7; Eus. HE, IV, 26), тем не менее отмечали, что Марк Аврелий Философ причастен к нескольким гонениям против христиан [Пантелеев: 306–308, 310]. Таким образом, уже в древности был отмечен парадокс: совершенный в доброте и добродетели император не останавливается перед пролитием крови²⁵. В современной Достоевскому литературе также преобладало представление о Марке Аврелии как «прекраснейшем образце мудрости и добродетели»²⁶, но в сочинениях, посвященных истории церкви, рассказывалось о преследованиях христиан в годы правления императора-философа²⁷, с пояснением: «...политика правительства была близорука и земна; философия языческая, если только верила чему-нибудь, то разве слепой судьбе. <...> Все же страдали неведением Бога истинного»²⁸.

Самое известное гонение христиан времени правления Марка Аврелия произошло в 177 г. в галльских городах Лугдунуме (современном Лионе) и Виенне (Eus. HE, V, 1–5). При этом христиане разыскивались, доносы против них поощрялись, многие приняли мученическую смерть, но даже отрекшихся от веры продолжали морить в темнице. Любопытно, что в написанном

Марком Аврелием сочинении «Наедине с собой» сохранились свидетельства его презрительного отношения к христианам, принимающим мученическую смерть: император полагал, что христиане идут на погибель «из голой воинственности», а не по обдуманности, и принимают смерть с театральностью (Marc. Aur. Med. XI, 3).

В рамках начального замысла «Идиота», как представляется, отдельные черты образа Марка Аврелия из античной литературы могли заинтересовать Достоевского при раздумьях над образом Ганечки: *«Ганечка. Чистый, прекрасный, достойный, строгий. <...> разуменъ, преданъ долгу и непоколебимъ въ убѣжденіяхъ. — Глубины и заносчивости въ идеяхъ нѣтъ, хотя уменъ, образованъ и мыслить»* (Ф. 212.1.6. С. 7). Но эти черты в герое борются со страстным состраданием, и в итоге Ганечка — *«натура христіанская»* (там же). В какой-то степени фигура императора-философа могла стать источником размышлений о чертах главного героя, внутри которого идет *«страшная борьба: мститъ или не мститъ? [Но] {Его} порывы истинны<,> благородны<,> и вотъ онъ дѣлаетъ злое»*. (Ф. 212.1.6. С. 39). Однако, по всей видимости, образ Марка Аврелия как гонителя христиан занимал в размышлениях писателя даже более важное место: во-первых, имя Марка Аврелия встречается на одной странице с дважды выполненной каллиграфической записью *«Христосъ»* (Ф. 212.1.6. С. 124); во-вторых, в окончательной редакции «Идиота» есть упоминание о г. Лионе в рассказе князя Мышкина о смертной казни во Франции:

«— А там казнят?

— Да. Я во Франции видел, в Лионе. Меня туда Шнейдер с собою брал.

— Вешают?

— Нет, во Франции всё головы рубят» (курсив мой. — Е. С.) (Д30; 8: 19).

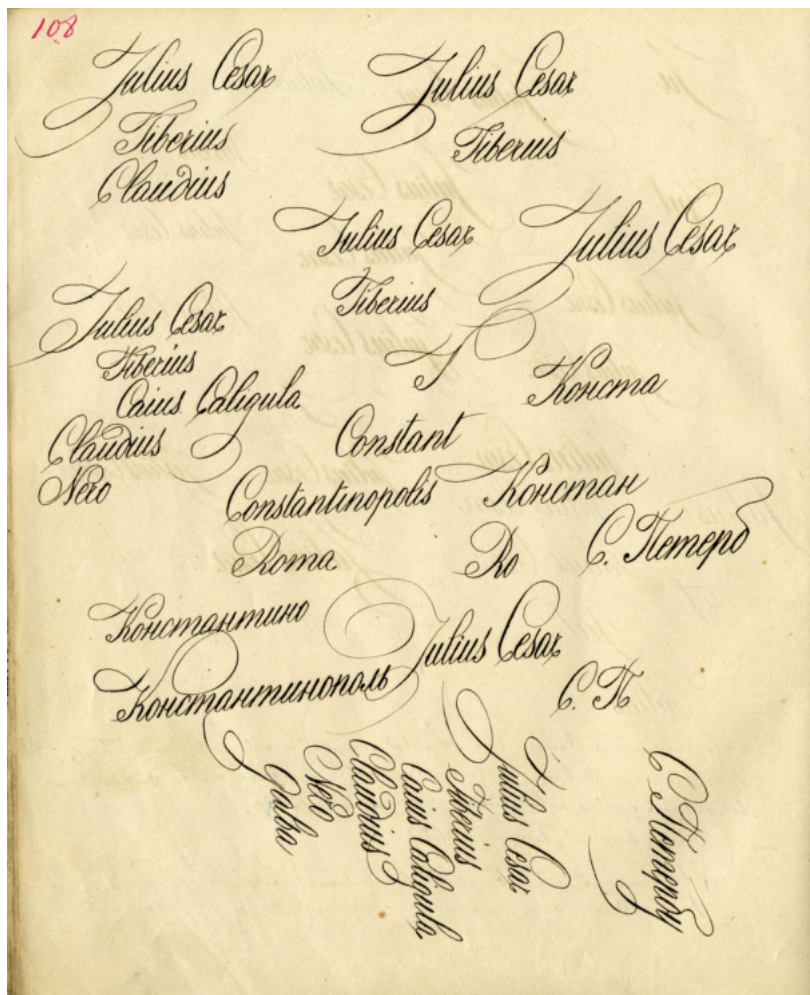
Нужно отметить, что названия городов занимают заметное место в каллиграфиях подготовительных материалов к ранней редакции романа «Идиот». Так, на с. 124 по соседству с выведенным четыре раза именем Цезаря и дважды написанным словом *«Христосъ»* обнаруживаем названия европейских столиц: Парижа (*«Paris»*), Берлина (*«Berlin»*), Женева (*«Женева»* <3 раза>), Санкт-Петербурга (*«St. Petersburg»*); на с. 126 — *«Москва»*, *«Женева»* <4 раза> на одной странице с *«Julius Cesar»*; на с. 128 — *«St Peterbou»*, *«Moscou»* <3 раза>, *«St. Petersburg»* <3 раза>, *«Geneve»*, *«Constantinople»*, на одной странице с *«Julius Cesar»* <8 раз> и *«Nero»*. Нельзя не признать, что названия городов могут являться отголосками размышлений о местах, где должно разворачиваться действие романа. Но возможно, в каллиграфических записях названий городов в подготовительных материалах к ранней редакции «Идиота» скрывались также иные смыслы и нюансы. На с. 124 привлекают внимание три момента. Во-первых, Париж, Женева и Берлин — это столицы современных Франции, Швейцарии и Германии, на территории

которых провел 8 лет Цезарь в ходе галльских войн (50–58 гг.), присоединив в результате к Римской республике огромную территорию от Атлантического океана до Рейна. Во-вторых, рядом со словом «*Paris*» мы обнаруживаем «*Lutetia*». Лутетия — это название поселения, бывшего главным центром кельтского племени паризиев до захвата их земель римлянами, на месте этого поселения впоследствии и вырос город Париж. Любопытно, что первое письменное упоминание о Лутетии — «городе парисиев, лежащем на острове Секваны», встречается именно в «Записках о галльской войне» Цезаря (Caes. De Bell. gall., VII, 57). Достоевский, в школьные годы читавший «Записки» на латыни, не мог об этом не знать²⁹. Наконец, рядом с каллиграфиями имени Цезаря и названиями европейских городов дважды прописано слово «*Хронологія*». Осмелимся предположить, что всё вместе это могло быть связано с размышлениями писателя о судьбах европейской цивилизации: по крайней мере, именно при Цезаре началось включение континентальной части Западной Европы в орбиту римской власти и античной культуры, ставшей одной из основ для последующего развития европейской цивилизации, а немного позже явился другой обновитель мира — Христос.

Достоевский прекратил работу над первоначальным замыслом романа и начал новый в декабре 1867 г.: «Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман» (Д30; 28₂: 240). В. Н. Захаров, разбирая по письмам Достоевского внешнюю канву и нюансы решительного поворота в творческой истории «Идиота» к изображению «положительно прекрасного человека», отмечает, что свидетельством изменения сюжета стали рассуждения Достоевского о Евангелии от Иоанна и христианской литературе [Захаров, 2013: 275–276]. Это обстоятельство представляется очень важным в рамках вопроса о роли римских императоров в творческой истории «Идиота».

Примечательным отличием каллиграфических записей имен римских цезарей в подготовительных материалах ко второй–четвертой частям «Идиота» являются два момента. Во-первых, значительно расширяется набор имен и, хотя по-прежнему чаще всего встречается имя Юлия Цезаря (Ф. 212.1.7. С. 93, 96, 97, 99, 102–105, 107, 110; Ф. 212.1.6. С. 106–109), а также сохраняется интерес писателя к паре Юлий Цезарь — Калигула (Ф. 212.1.7. С. 99, 102, 103), общее число имен правителей Рима возрастает до четырнадцати. Во-вторых, появляются страницы, заполненные прописями имен римских цезарей либо целиком (Ф. 212.1.7. С. 105, Ф. 212.1.6. С. 106, 108, 109), либо с совсем краткими текстовыми записями (Ф. 212.1.7. С. 103, Ф. 212.1.6. С. 107), причем на большей части таких страниц имена цезарей объединены в группы-столбцы.

Основой группировки римских цезарей явно становится не династический принцип: в одной строке могут стоять имена Нерона из династии Юлиев-Клавдиев и Веспасиана из династии Флавиев («*Nero, Vespasianus*») или Тит из династии Флавиев и Адриан из династии Антонинов («*Titus, Adrian*») (Ф. 212.1.6. С. 106) (см. Илл. 2); в группу к Юлием-Клавдиям может быть добавлен Гальба, не имеющий ничего общего с этой династией («*Julius Cesar Tiberius Caius Caligula Claudius Nero Galba*») (Ф. 212.1.6. С. 108) (см. Илл. 9).

Илл. 9. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 108)

Fig. 9. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 108)

Но и деление императоров Рима на «плохих» и «хороших», ставшее популярным после публикации труда Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»³⁰ и широко используемое в литературе XIX в., также нельзя признать убедительным критерием группировки имен. Во-первых, Юлия Цезаря, несмотря на его славу властолюбца, пролившего реки крови, все-таки к плохим правителям не относили, а между тем его имя во всех группах стоит первым. Во-вторых, в группе «*Julius Cesar Augustus Tiberius*»³¹ Август — это император из числа «хороших», а в группе «*Julius Cesar Caius Caligula Claudius Nero, Vespasian Titus, Adrian*»³² Веспасиан — из римских государей «единственный, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему» (Тас. Hist., I, 50.), Тит — «любовь и отрада рода человеческого» (Suet. Tit., 1), Адриан — император из династии Антонинов, правление которых оценивалось как «счастливые времена»³³, когда «науки, художества, торговля процветали»³⁴.

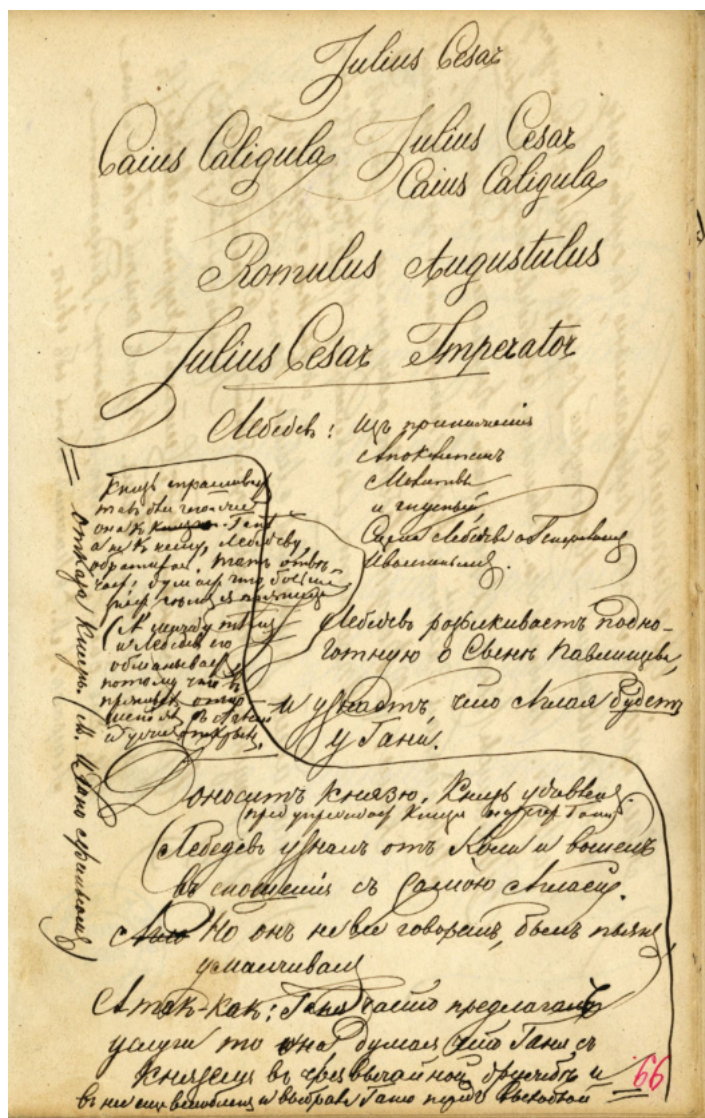
Но возможно ли в таком случае найти более или менее удовлетворительное объяснение группам имен римских цезарей? На наш взгляд, за поиском ответа следует обратиться не к текстам античных авторов, а к раннехристианским текстам, которые упоминаются в романе «Идиот» и в которых можно обнаружить отражение римской истории эпохи ранней Империи. Таким текстом является Откровение Св. Иоанна Богослова, или Апокалипсис (ДЗ0; 8: 167–168, 202–203, 254, 309–311, 316, 319). Мысль о наличии несомненной связи между каллиграфическими записями имен римских императоров и Апокалипсисом уже высказывалась в исследовательской литературе [Тихомиров, 2006: 488–491; 2017а: 746], однако подробно эта взаимосвязь всё же не рассматривалась.

Интересной особенностью каллиграфических записей имен властителей Рима в подготовительных материалах ко второй–четвертой частям «Идиота» является интерес Достоевского к действующим лицам римской истории не только I–II вв. н. э., но и эпохи Поздней империи. На двух страницах мы обнаруживаем имя Ромула Августа — «*Romulus Augustulus*»³⁵ — последнего императора Западной Римской империи (475–476 гг.), имя которого стало символом конца эпохи античности. Любопытно, что на одной из этих страниц³⁶ под именем Ромула Августа каллиграфически записано, как противопоставление, имя родоначальника империи Юлия Цезаря: «*Julius Cesar Imperator*». А еще чуть ниже под чертой запись:

«Лебедевъ: Изъ приниженія.

Апокалипсисъ

Молитвы и гнусный» (см. Илл. 10).

Илл. 10. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 99)³⁷

Fig. 10. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.7. P. 99)

Еще на одной странице начертано имя Аттилы, предводителя гуннов в 434–453 гг., наложившего тяжелую дань на Восточную Римскую империю и набегами основательно разорившего и опустошившего земли Западной Римской империи: «*Attila Rex*»³⁸ (см. Илл. 2). На этой же странице записано,

хоть и не полностью, название города, ставшего в 330 г. столицей Римской империи, а затем — столичным городом Восточной Римской империи, пережившей Западную почти на тысячелетие: «*Constantinop*». Каллиграфические прописи «*Константинополь*», «*Constantinopolis*» обнаруживаются и на следующем тетрадном развороте³⁹.

Гунны и их предводитель Аттила трактовались, начиная уже с VII века, как гнев Господний и наказание, посланное народам за недостаточно усердное служение Богу: «Так часто, как его возмущение вырастает против верующих, он наказывает их Гуннами, чтобы, очистившись в страданиях, верующие отвергли соблазны мира и его грехи и вошли в небесное королевство» (Isid. De orig. got., 29). В начале XVIII века было высказано мнение, что именно набеги гуннов во главе с Аттилой предсказаны в пророчестве 8-й главы Откровения⁴⁰: «Третій Ангелъ вострубилъ, и упала съ неба большая звѣзда горящая подобно свѣтильнику, и пала на третію часть рѣкъ, и на источники водъ. Имя звѣздѣ, Полюнь» (Откр. 8: 10–11)⁴¹. Свидетельством того, что для Достоевского указанные строки 8-й главы Откровения были особенно важны, являются пометы, сделанные писателем на полях: «стихи 11–12 отчеркнуты ногтем справа» [Евангелие Достоевского: 595]. Эти «отметки ногтем» на полях томика Нового Завета 1823 года издания, переданного писателю в Тобольске в 1850 г. женами декабристов и пронесенного им через всю жизнь, были обнаружены, описаны и впервые опубликованы в конце 1990-х гг. В. Н. Захаровым [Захаров: 1999], уточнены и расширены в изданиях 2010 [Захаров, 2010] и [Захаров, 2017]. Скорее всего, Достоевский отметил для себя стихи еще «в самый мучительный период пребывания на каторге, когда ему запрещалось писать» [Молчанов: 43].

В окончательной редакции «Идиота», в отличие от подготовительных материалов к роману, нет упоминаний об Аттиле, но зато есть пространный и вовлекающий восемь персонажей романа разговор о звезде Полюнь из Апокалипсиса (ДЗ0; 8: 309–316), которую, по уверениям гимназиста Коли, его отец Лукьян Тимофеевич Лебедев толкует как «сеть железных дорог, раскинувшихся по Европе» (ДЗ0; 8: 254). Разговор этот перерастает в споры героев об «источниках жизни»⁴², обнаруживая «серьезный аспект толкования <...> текста Откровения применительно к современности» [Тихомиров, 2017b: 880]. Таким образом, имена римских цезарей в подготовительных материалах ко второй-четвертой частям «Идиота» связаны с толкованиями пророчеств Апокалипсиса о судьбе Римской империи как гонительницы христиан, не пожелавшей расстаться с идолопоклонством, но перекидывают вместе с тем мостик к вопросу о будущем Европы и России, об идолах и искушениях современного мира, о выборе пути к «источникам жизни», а значит — в какой-то степени связаны с вопросом об изображении «положительно прекрасного» — задачей, по словам Достоевского, безмерной, поскольку «идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался» (ДЗ0; 28₂: 251).

Каллиграфические записи имен римских цезарей сыграли важную роль в мире «зачатий художественных мыслей» писателя, в период раздумий

над начальным замыслом «Идиота» и в ходе работы над подготовительными материалами к окончательной редакции романа. Достоевскому были хорошо известны как увековеченные в античной традиции черты портретов властителей Рима, правивших в эпоху становления империи, так и толкования пророчеств Апокалипсиса, связанные с концом истории Римской империи, предсказывавшие падение идолопоклонничества, самого вечного города и его владык — гонителей христианства. Однако гораздо больше Достоевского волновали и тревожили судьбы современного ему мира, не умеющего, как когда-то Рим, понять в бесконечной суете, спешке и шуме истинные источники жизни. И каллиграфические прописи имен римских императоров следует, по всей видимости, трактовать в рамках сопоставления Достоевским судеб Римской империи и современной ему Европы и России в их отношении к Христу.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

- ¹ Представление о том, что каллиграфические записи Достоевского являются отражением его читательской памяти и могут помочь при изучении истории текста и решении вопросов о прототипах героев, было обосновано достаточно давно (см.: [Баршт, Тороп: 150–151]).
- ² Захаров В. Н. РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 6 [Описание] // Архив Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevsky-archive.ru/ru/rgali-f-212-1-6/rgali-f-212-op-1-ed-khr-6> (30.08.2020).
- ³ См. даты в описании тетради: РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevsky-archive.ru/ru/rgali-f-212-1-7/rgali-f-212-op-1-ed-khr-7> (30.08.2020).
- ⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 281. С. 179. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ⁵ «Анналы» Тацита являются важнейшим источником по правлению Юлиев-Клавдиев (в особенности — Тиберия, Клавдия и Нерона), а его «История» — по гражданской войне 68–69 гг., когда за полтора года на престоле сменили друг друга Гальба, Отон и Вителлий, и началу правления династии Флавиев, основанной Веспасианом. Из «Писем» Плиния Младшего можно почерпнуть информацию о конце правления Домициана и принципах Нервы и Траяна. Сочинения Цезаря — «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне» — содержат ценную информацию о завоевании Галлии Римом и противостоянии Помпея и Цезаря.
- ⁶ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. I. Введение в историю средних веков. II. Юлий Цезарь. III. Римская империя при первых императорах // Время. 1862. Т. IX (№ 4). С. 5–39; Он же. Лекции из средней истории. Глава IV. Август. Тиверий. Калигула. Клавдий. Нерон // Время. 1862. Т. XI (№ 6). С. 75–98.
- ⁷ Кудрявцев П. Н. Римские женщины: исторические рассказы по Тациту. 2-е изд. М.: Тип. Каткова и К°, 1860. VI, 454 с.
- ⁸ Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1864. IV, 206 с.

- ⁹ Кайданов И. К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Часть 1. Древняя история. 4-е изд. СПб., 1831. С. 121. Именно по этому учебнику учился Ф. М. Достоевский, если судить по недавно введенному в оборот «Учебному отчету Главного инженерного училища» за курс 1838 г. (см.: [Маскевич, Тихомиров: 66, 68]).
- ¹⁰ Лунин М. М. Несколько слов о римской истории // Москвитянин. 1841. Ч. V. № 10. М.: изд. М. Погодина. С. 407.
- ¹¹ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 193.
- ¹² Крюков Д. О трагическом характере истории Тацита // Москвитянин. 1841. Ч. II. № 3. С. 128.
- ¹³ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁴ <Наполеон>. История Юлия Цезаря / пер. с франц. М. М. Стасюлевича. Т. 1–2. СПб., 1865–1866. VII, 465 с. На титуле имя автора не указано, но оно обозначено в конце предисловия на с. VII.
- ¹⁵ Безусловно, именно Юлий Цезарь имеется в виду в диалоге Раскольникова и Дуни в «Преступлении и наказании»:
«— <...> Но ведь ты кровь пролил! — в отчаянии вскричала Дуня.
— Которую все проливают, — подхватил он чуть не в исступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества» (Д30; 6: 400).
- ¹⁶ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. I. Введение в историю средних веков. II. Юлий Цезарь... С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 21.
- ¹⁸ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 172.
- ¹⁹ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. Глава IV. Август. Тиверий... С. 88.
- ²⁰ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. I. Введение в историю средних веков. II. Юлий Цезарь... С. 25.
- ²¹ Отсылку к Светонию предлагают комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах (1972–1990), см.: (Д30; 19: 308). Однако, на наш взгляд, более вероятна связь упоминания Достоевского об «известном чудовищном браке Нерона, записанном в истории» с «Анналами» Тацита. Во-первых, анналы — это погодные записи исторического характера, в то время как сочинение Светония представляет собой сборник биографий двенадцати цезарей; во-вторых, труд Светония не встречается в описании книг, принадлежавших Достоевскому, да и само имя этого античного автора ни разу не упоминается в сохранившемся литературном наследии писателя, в то время как с Тацитом ситуация совершенно иная. Подобная картина не представляет собой ничего странного: Светоний никогда не был для русского читателя фигурой первостепенной важности, а среди оценок его творчества преобладали не слишком лицеприятные. См.: [Любжин: 184–185].
- ²² Кудрявцев П. Н. Римские женщины по Тациту (Поппея Сабина и Октавия, и вместо эпилога Нерон, сын Агриппины) // ПроPILEI. 1856. Кн. 5. С. 50–51.
- ²³ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. Глава IV... С. 96.
- ²⁴ В окончательной редакции «Идиота», возможно, именно образ Нерона стал отправной точкой для фразы, которую Достоевский вложил в уста Лебедева: «...ибо оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщенья, — впрочем, так же точно, как и всякий из нас, говоря по справедливости» (Д30; 8: 312).

- 25 У Достоевского похожая мысль выражена такими словами: «Совесьть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного» (*Д30*; 27: 56).
- 26 Кайданов И. К. Указ. соч. С. 179.
- 27 Муравьев А. Н. Первые четыре века христианства. 2-е изд. СПб.: Тип. А. Бородина и К°, 1842. С. 92, 99–102.
- 28 Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 1. СПб., 1859. С. 51 (Подробности антихристианских гонений при Марке Аврелии Филарет приводит на С. 65–66, 92).
- 29 Приведем для примера отрывок из письма Ф. М. Достоевского 1839 г. своему отцу: «Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря и после двухгодичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё» (*Д30*; 281: 60). Но даже если знания, полученные в отрочестве, и позабылись, то напоминанием о первоначальном названии Парижа могла стать книга Г. Гейне «Лютеция», опубликованная в 1854 г., из предисловия к которой становится очевидным, насколько общеизвестным было изначальное название столицы Франции: Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Лютеция. М., 1958. С. 7–8.
- 30 Гиббон Э. История упадка и разрушения римской империи (сочинение Гиббона, сокращенное Г. Адамом, пер. с франц. с примечаниями русского переводчика [П. Черевина]). М.: Тип. Решетникова, 1824. С. 63, 69.
- 31 Ф. 212.1.6. С. 109.
- 32 Ф. 212.1.6. С. 106.
- 33 Гиббон Э. Указ. соч. С. 20, 69.
- 34 Кайданов И. К. Указ. соч. С. 177.
- 35 Ф. 212.1.7. С. 99, 105.
- 36 Ф. 212.1.7. С. 99
- 37 Записи на странице сделаны Достоевским в перевернутом виде. В данной статье иллюстрация развернута для удобства просмотра.
- 38 Ф. 212.1.6. С. 106.
- 39 Ф. 212.1.6. С. 108.
- 40 Daubuz Ch. A Perpetual Commentary on the Revelation of St. John; with a Preliminary Discourse concerning the principles upon which the said Revelation is to be understood. London, 1730. Р. 6. Об интересе к комментариям Ч. Даубуза в XIX веке свидетельствует переиздание первой части его труда в 1842 г. Daubuz Ch. A Symbolical Dictionary, in which... the general signification of the Prophetic Symbols, especially those of the Apocalypse. London, 1842. 225 p. Трактровка пророчества о звезде Полюнь как нашествии гуннов во главе с Атиллой на территорию Западной Римской империи в 442–451 гг. стало весьма распространенным и упоминалось в комментированных изданиях Библии. См., например: The Holy Bible according to the authorized version (A.D. 1611) with an explanatory and critical commentary / Ed. F. C. Cook. Vol. IV. London, 1881. Р. 602, 619. В комментированном издании Апокалипсиса на французском языке 1870 г., которое зафиксировано в библиотеке Достоевского [Библиотека: 209], также встречается имя Аттилы, но применительно не к главе 8, а в комментарии к главе 20: Apocalypse du bienheureux Jean dévoilée, ou, Divulgation de la doctrine du christianisme, par Adolphe Bertet. Geneve-Paris, 1982 [réimpr. 1870]. С. 270.
- 41 Цитаты из Откровения даются по изданию: Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. 1. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. 622 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/book3.html#307>
- 42 Роль выражения «источники жизни» как сквозного библейского мотива в творчестве Ф. М. Достоевского рассмотрена Б. Н. Тихомировым: [Тихомиров, 2017b: 872–885].

Список литературы

1. Баршт К. А. Каллиграфическое письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и Наказание» // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 3. — С. 3–45 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979428.pdf (30.08.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3641
2. Баршт К. А., Малафеевская Т. Н. Дипломатическая транскрипция как текстологическая задача: три страницы из «записных тетрадей» Ф. М. Достоевского // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. — 2014. — Т. 73. — № 6. — С. 23–37.
3. Баршт К. А., Тороп П. Х. Рукописи Ф. М. Достоевского: рисунок и каллиграфия // *Текст и культура. Труды по знаковым системам, XVI*. — Тарту, 1983. — С. 135–152. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 635).
4. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, науч. описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 1: Факсимиле личного экземпляра Нового Завета 1823 года издания, подаренного Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. Комментарии к пометкам Достоевского. — 622 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://deniskmc.beget.tech/book3.html#1> (30.08.2020).
7. Захаров В. Н. Текст Евангелия с пометами Достоевского / руковод. проекта, науч. ред., описание помет, подгот. текста В. Н. Захаров. — Петрозаводск, 1999 // *Евангелие Достоевского* [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskij.karelia.ru/Gospel/iii/text.htm> (15.08.2020).
8. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // *Евангелие Достоевского. Исследования. Материалы к комментарию: в 2 т.* — М.: Русский Мирь, 2010. — Т. 2. — С. 5–35.
9. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
10. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // *Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т.* — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 2. — С. 7–62 [Электронный ресурс]. — URL: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#1> (30.08.2020).
11. Захаров В. Н. Поэтика и жанр маргиналий в записных книжках и рабочих тетрадях Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. — 2018. — Т. 16. — № 3. — С. 85–100 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (30.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461
12. Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века. — М.: Греко-Латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. — 221 с.
13. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы к биографии 1837–1839 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 2. — С. 56–93 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (09.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981
14. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. — М.: Наука, 2000. — 585 с.
15. Молчанов В. Ф. Евангелие Достоевского: оптико-электронная реконструкция авторских маргиналий // *Евангелие Достоевского: исследования. Материалы к комментарию: в 2 т.* — М.: Русский Мирь, 2010. — Т. 2. — С. 36–43.

16. Нечаева В. С. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского // Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. д-ра филол. наук В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 3–27.
17. Пантелеев А. Д. Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. — СПб., 2005. — Вып. 4. — С. 305–316.
18. Пращерук Н. В. Антитеза // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 138–139.
19. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. — 472 с.
20. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. — СПб., 2006. — 567 с.
21. Тихомиров Б. Н. Записные книжки и тетради Достоевского 1860—1881 гг. // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 379–387. (a)
22. Тихомиров Б. Н. Император // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 300–304. (b)
23. Тихомиров Б. Н. <NB. После Библии зарезал> // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 325–326. (c)
24. Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 2. — С. 109–786. (a)
25. Тихомиров Б. Н. Задачи и принципы комментирования библейских интертекстов Достоевского // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 2. — С. 787–938. (b)

Ekaterina L. Smirnova

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

esmirnova@petsu.ru

Roman Emperors in Dostoevsky's Calligraphic Notes to *The Idiot*

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

Abstract. The article focuses on clarifying the role of names of Roman emperors in Dostoevsky's calligraphic records in his notebooks of the late 1860s (Russian State Archive of Literature and Art. Funds 212.1.6 and 212.1.7). One of the reasons for Fedor Dostoevsky's invocation of images and themes from Roman history was the idea characteristic of the educated class of the mid-19th century, namely, that the history of Rome is a model of virtues and example of vices and atrocities, and is therefore essential to everyone who is not indifferent to the fate of humankind. Since the writer's creative reflections mainly refer to Gaius Julius Caesar and the rulers of the first two centuries (and the first three dynasties) of the Imperial Period, the writer's interest in the Roman Caesars must be correlated with his assessment of Imperial Rome in the I–II centuries as the time of strengthening the sole nature of the Emperor's power and the spread of the Imperial cult, on the one hand, and the formation of Christianity, on the other. At the same time, Dostoevsky's attention was drawn to Attila and Romulus Augustulus, whose names are associated with the final pages of the history of the Western Roman Empire. For Dostoevsky, not only texts authored by ancient and Christian authors, but also images of Imperial Rome in contemporary literature and journalism became the sources of associations and motifs associated with the Roman Caesars for Dostoevsky. The most important nuances of meaning were born from the comparison of ancient Roman history with the new history of Western Europe and Russia. The evolution of the subject of calligraphic notes in *The Idiot* is significant: in the initial drafts of the novel the emphasis was placed on the despotism and monstrosity of the Roman rulers, while the notes for the final version concentrated on the reflection of the history of Imperial Rome and its fate in the Apocalypse.

Keywords: Fedor Dostoevsky, textual criticism, calligraphy, prototypes, antiquity, Ancient Rome, Roman Empire, Roman Caesars, "The Idiot", Apocalypse, Timofey Granovsky

About the author: Smirnova Ekaterina L. — PhD in History, Associate Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: September 2, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Smirnova E. L. Roman Emperors in Dostoevsky's Calligraphic Notes to "The Idiot". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 177–207. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994 (In Russ.)

References

1. Barsht K. A. The Calligraphy of Fedor Dostoevsky in His Manuscripts to the Novel "Crime and Punishment". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 3–45. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979428.pdf (accessed on October 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3641 (In Russ.)
2. Barsht K. A., Malafeevskaya T. N. A Diplomatic Transcript Edition as an Objective of Textual Scholarship: Three Pages from F. M. Dostoevsky's "Working Notebooks". In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 2014, vol. 73, no. 6, pp. 23–37. (In Russ.)

3. Barsht K. A., Torop P. Kh. Manuscripts of F. M. Dostoevsky: Illustration and Calligraphy. In: *Tekst i kul'tura. Semiotika. Trudy po znakovym sistemam, XVI [Text and Culture. Semiotics. Sign Systems Studies, 16]*. Tartu, 1983, pp. 135—152. (In Russ.)
4. Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii, nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction, Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972—1990. (In Russ.)
6. *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]*. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 1. 622 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Gospel Text with Dostoevsky's Marginal Notes. Petrozavodsk, 1999. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo [The Gospel of F. M. Dostoevsky]*. Available at: <http://dostoevskij.karelia.ru/Gospel/iii/text.htm> (accessed on October 9, 2020). (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Dostoevsky and the Gospel. In: *Evangelie Dostoevskogo. Issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky. Researches. Materials to the Comments: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 5—35. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Dostoevsky and the Gospel. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]*. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 2, pp. 7—62. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Poetics and Genre of Marginalia in Fedor Dostoevsky's Notebooks and Workbooks. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 85—100. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (accessed on October 9, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461 (In Russ.)
12. Lyubzhin A. I. *Rimskaya literatura v Rossii v XVIII — nachale XX veka [Roman Literature in Russia from the 18th to the Beginning of the 20th Century]*. Moscow, Greko-Latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 2007. 221 p. (In Russ.)
13. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837—1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 56—93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (accessed on October 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981 (In Russ.)
14. Merezhkovskiy D. S. L. *Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 585 p. (In Russ.)
15. Molchanov V. F. The Gospel of Dostoevsky: Optoelectronic Reconstruction of Marginal Notes. In: *Evangelie Dostoevskogo: issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: Research. Materials for the Commentary: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 36—43. (In Russ.)
16. Nechaeva V. S. Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky. In: *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1957, pp. 3—27. (In Russ.)
17. Panteleev A. D. Christians in the Reign of Marcus Aurelius. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World]*. St. Petersburg, 2005, vol. 4, pp. 305—316. (In Russ.)
18. Prashcheruk N. V. Antithesis. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 138—139. (In Russ.)

19. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Ridge Over There". *Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
20. Tikhomirov B. N. *Religioznye aspekty tvorchestva F. M. Dostoevskogo. Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Religious Aspects of the Work of F. M. Dostoevsky. Problems of Interpretation, Commenting, Textology. PhD philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 567 p. (In Russ.)
21. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's Notebooks and Workbooks of 1860—1881. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 379—387. (In Russ.) (a)
22. Tikhomirov B. N. The Emperor. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 300—304. (In Russ.) (b)
23. Tikhomirov B. N. <NB. Posle Biblii zarezal> [<NB. After Reading the Bible, He Stabbed>]. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 325—326. (In Russ.) (c)
24. Tikhomirov B. N. Reflections of the Gospel Words in the Texts of Dostoevsky. Materials to the Commentary. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 2, pp. 109—786. (In Russ.) (a)
25. Tikhomirov B. N. Tasks and Principles of Commenting on the Dostoevsky's Biblical Intertexts. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 2, pp. 787—938. (In Russ.) (b)